

24 сентября 2015

👁 2346

Православного киноконента практически не существует

Фото: rublev.com

Интервью Юрия Грымова сайту «Интерфакс-Религия».

В эпоху популярности скандальных проектов в искусстве, когда провокация и оскорбление зачастую используются для привлечения зрителей, известный российский режиссер, а также управляющий партнер проекта Rublev.com и главный режиссер телеканала «Царьград» Юрий Грымов рассказал корреспонденту «Интерфакс-Религия» Елене Веревкиной о своих творческих ценностях, новых проектах и печальной судьбе российского кино.

— Юрий, как творческий человек, как вы считаете, допустима ли какая-то цензура в искусстве? Какова этическая граница допустимого и недопустимого?

— Я противник каких-либо дополнительных законов. У нас есть Конституция, это большой свод

законов, там достаточно четко обозначены все принципы, права и обязанности, на которых должна строиться нормальная жизнь государства. В конце концов, нет ничего нового под солнцем, и нам только кажется, что неприятности, с которыми мы столкнулись в связи с последними скандалами, требуют каких-то специальных новых законов. Просто надо научиться соблюдать те, что уже есть, — для начала.

Причем я не устаю повторять: если соблюдать законы, то все. Вы же не можете жить по одной заповеди, а девяти другим не следовать, это неправильно. Так же и с Конституцией, там написано достаточно вещей, и судебные органы и органы власти, которые за это отвечают, должны это контролировать. Хотя любой нормальный человек, помимо внешних рамок — Конституции, законов о налогах, правил дорожного движения, руководствуется еще и внутренним маяком, который помогает ему разобраться, что прилично, а что не совсем. Этот момент очень важен.

— А что вы лично для себя считаете неприличным, что вы не можете себе позволить в творчестве?

— Во-первых, я считаю себя свободным человеком, гражданином, православным россиянином, но я знаю также о свободе других людей, которые меня окружают. Так вот, моя свобода никогда не переступит грань вседозволенности. Я делал фильмы, связанные с пикантными сценами, и в спектаклях затрагивал жесткие темы, но это находится в рамках моего понимания категории прекрасного и осознания того факта, что я не имею права кого-то оскорбить своей бурной фантазией. Я несу за это ответственность. Я считаю, что загонять людей в смрад и духовную нечистоту — это тоже отчасти преступление, духовное преступление. Людям нужно давать надежду, надо сеять любовь.

Rublev.com направлен на это, как и большинство моих проектов. Это не просто громкие слова, это не пижонство, это правда важно. Если вы все это в себе держите, культивируете, то все, что вы делаете, будет иметь такое значение, ваши дела будут созидать, а не разрушать. Людям иногда нужно напоминать, что они люди, нужно чаще людям говорить, что они хорошие люди, я в этом уверен.

— Насколько я знаю, ваш следующий проект будет связан с революцией.

— Я ищу деньги на этот проект. Два года я его готовил с академиками РАН, сценарий готов, идет выбор натур, но мы ищем финансирование.

— Почему вас интересует эта тема, возможно ли повторение революционного сценария в жизни России?

— Тема меня заинтересовала, потому что грядет круглая дата этого события, и это естественно будет комментироваться и в мире, и в стране. Два года мы ковыряемся в архивах, общаемся с академиками, людьми, которые отдали часть своей жизни изучению этого периода истории, и это для меня очень интересно. Повторение подобной катастрофы возможно всегда, в любой стране мира. Посмотрите, что произошло с Украиной, какие события там произошли и как они продолжают развиваться. Мы видим сейчас Сирию, мы видим Европу, которая вдруг оказалась просто не готова к проблеме беженцев и теперь думает — не пора ли перестать прекраснотушничать и начать закрывать двери на засов.

Все это происходит как будто случайно, но в этом есть определенная закономерность. И фильм,

который я хотел бы снять, серия фильмов о революции, показывает день за днем, как незаметно для всех устои многовековой России просто превратились в краснокосянчатые лозунги, в которые сами большевики не верили. Они сами не верили в то, что диктатура мирового пролетариата возможна при их жизни. Об этом говорил сам Ленин: невозможно. И вдруг за два месяца это произошло.

— Вы рассказывали, что ваш ребенок живет во Франции. В Европе сегодня активно ведется гей-пропаганда, внедряется идея нормальности однополых союзов. Не боитесь за моральную сохранность вашего чада?

— Так жизнь распорядилась, что у ребенка большие способности. Здесь, где она училась на Арбате во французской школе, ввиду реформ образования школа стала не такая интересная, не такая научная с точки зрения образования. А во Франции, когда дочка прошла собеседования, в ней выявили человека, очень способного к наукам. Но, скажу вам честно, очень трудно нашей семье жить на две страны. Это не очень удобно, я этим не горжусь. Конечно, лучше бы это все было рядом, но так случилось в жизни.

История с гей-пропагандой, безусловно, перегрета, и это понимают практически все в мире. Если говорить про ту же Францию, я сам лично видел сотни тысяч людей, вышедших с транспарантами в центре Парижа и выступавших против однополых «браков» и тем более против усыновления этими «семьями» детей.

Я являюсь принципиальным противником усыновления детей однополыми «семьями». Это уже не свобода и демократия, не просто «я так хочу». Детские вопросы «А ты папа или мама?» ставят в тупик всех, ломают детскую психику на начальной стадии развития. Что потом будет с этими детьми? Если это интимная часть жизни людей, зачем они так публично об этом заявляют? Не надо лезть ни к кому под одеяло.

Мне, например, совершенно неважно, кто и чем занимается у себя в спальне. Но это же обрушивается на всех! Нам навязано слово «гей», которое мы теперь часто употребляем. Но, если говорить о русской православной культуре, мы должны были бы называть это «Содом». История давняя, библейская — ничего нового под солнцем, к сожалению. И название этому давным-давно придумано: Содом. А «гей» — это американское слово, которое теперь и мы используем повсеместно.

И я повторюсь, я противник того, чтобы детей усыновляли однополые «семьи». И говорить, что в Европе, и в частности во Франции, никто не выступает против — значит не замечать очевидного. Нет, очень много людей протестует. Но в Европе, к сожалению, стремление соблюдать правила человеческой вежливости победило тягу к правде Божьей, и теперь вежливые европейские христиане деликатно соглашаются на избрание священниками и епископами женщин, и даже не просто женщин, но женщин-лесбиянок.

Но, мне кажется, этой вежливости грош цена, потому что она длится ровно до того момента, пока проблема не коснется тебя лично. Западное христианство, к сожалению, уже мало касается европейского человека, мало влияет на его жизнь, потому что его легко можно игнорировать. Но вот сейчас сирийские беженцы очень невежливо вторглись в пределы европейских стран, и политкорректные европейцы тут же задумались над тем, чем придется расплачиваться за эту видимость всеобщего взаимного уважения. «Лопни, но держи фасон» — или признаться себе самим, что своя рубаха ближе к телу. Неприятный выбор, сочувствую.

— Вы не скрываете, что верите в Бога, причем пришли к вере в зрелом возрасте. Это был путь размышлений или озарений?

— Путь размышлений и круг общения, который был у меня тогда и есть сейчас. Среди моих друзей и знакомых были люди, которые рассуждали на эту тему, о религии вообще, и в частности о православии. Кроме того, у меня в роду по маминной линии были все священники. Я об этом узнал случайно, года четыре назад. Я воцерковленный человек, но моих знаний недостаточно, чтобы считать себя грамотным человеком в богословии. Но я с большим уважением и интересом отношусь к нашей религиозной традиции и считаю своим долгом об этом говорить. Хорошо, когда люди обретают веру и находят себя, потому что жить без опоры крайне сложно.

— Для этого вы возглавили канал «Царьград»? В чем его отличия от других православных каналов?

— Не я один. Целая команда. Этот канал для гораздо более широкой аудитории. Канал «Спас» больше церковный канал, а «Царьград» больше православный канал, информационно-аналитический, поэтому аудитория у него должна быть шире. Этот канал будет анализировать, что происходит сегодня, он будет говорить о смыслах. В любой работе с информацией очень важен процесс поиска смысла, его нахождения, а затем — формулирования.

Звучит пафосно, но вспомните свои институтские лекции и то, как студенты учатся писать конспекты. Важно в том, что ты услышал, ухватить главное, а потом суметь это главное облечь в словесную формулу. «Царьград» будет решать ту же самую задачу: из шумного, мутного и захлестывающего нас с головой потока информации он будет извлекать нечто важное и рассказывать об этом зрителям. А иногда — наоборот, обращать их внимание на что-то, что осталось вроде бы за рамками общего, «популярного» внимания.

Там будут новостные программы, аналитические программы, передачи по культуре, документальные картины, возможно, также будут и художественные картины и сериалы, хотя фильмы, документальные и художественные, православной тематики практически отсутствуют, их почти нет. Если бы мы говорили сегодня про католическую церковь или про протестантские церкви, то такой материал есть на рынке, это можно приобрести для показа. А если мы говорим о православном контенте, то его практически не существует в мире.

— Не было мысли снова заняться кино и снять что-то как раз на православную тему?

— Кино в России практически разрушено. Национального кино не существует. Нет, к сожалению, экономической опоры. Если какое-то финансирование находится, эта проблема, как правило, решается на уровне отдельных конкретных меценатов. Экономически это невыгодно. В театре ситуация чуть лучше. Поэтому я в театре поставил «Цветы для Эдгернона», в РАМТе уже третий год идет с большим успехом детский спектакль «Затерянный мир» по Конан Дойлю, тоже с преаншлагами. Там есть экономическая опора. В кино — нет.

Очень много занято западными компаниями, 99% проката формируется из зарубежного продукта, из них 90% — американские фильмы. Где польское кино? Где итальянское кино? Этого ничего нет. Есть только французское кино, там государство вовремя противостояло засилью Голливуда. У нас такого не случилось. Сейчас успех русского фильма (разумеется, успех коммерческий — это

главный показатель) заключается в том, что он должен быть максимально похож на американский по эстетике. Мне это не очень интересно. Так что национального кино не существует. То, что сегодня три-пять режиссеров снимают какие-то фильмы, это не индустрия кино, это случайность. Изменить ситуацию может только государство, только оно может провести реформу кино.

— Что касается сериалов, крупные каналы сериалы для себя заказывают, а «Царьград» может снимать для себя православные сериалы?

— Мы думаем на эту тему, может быть, в дальнейшем у нас появится линейка православных сериалов, но это очень трудоемкое и дорогостоящее производство. Пока этот вопрос находится на стадии обдумывания и оценки.

— Немного наивный вопрос, но все же: как Вы думаете, может ли искусство, в том числе киноискусство, изменить мир к лучшему?

— Фраза «красота спасет мир» немного неточная. Я считаю, что красота спасает мир. Культура — это основа любого государства, некий стержень, вокруг которого формируется абсолютно все — и политика, и экономика. Если бы у нас министерство культуры было основным, главным министерством страны, все было бы по-другому.

Материал с сайта Rublev.com